

Александра Миронова

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ДОЖДЬ

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
М64

Миронова, А.

М64 Когда закончится дождь / А. Миронова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 296 с.

ISBN 978-5-517-03874-6

Эльза всегда добивается желаемого и идет вперед, сметая все преграды. Ее единственная слабость — это Алекс, в которого она влюблена с детства. И когда он попадает в неприятности, Эльза делает все возможное, чтобы его спасти. Для этого ей приходится инкогнито переехать в маленький городок, в котором постоянно идет дождь и где живут люди, успешно возводящие стены между собой и своей любовью. Но переехав, Эльза неожиданно понимает, что Алекс вовсе не хочет, чтобы его спасали любой ценой. И он боится Эльзу, положившую все на алтарь любви.

Однако механизм запущен, и действия Эльзы повлекут за собой ряд событий, которые повлияют на жизни всех жителей города. И когда в этом странном месте наконец-то появится солнце, все они смогут обрести собственное счастье и покой. Пускай порой и весьма своеобразные.

Книга издавалась под названием «Танго смертельной любви».

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-03874-6

© Миронова А., 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Эльза была уверена, что окончательно превратилась в кошку. Когда это произошло, точно сказать она не могла. Но скорее всего процесс уже необратим. Ее зрение, с одной стороны, утратило остроту, с другой — необычайно обострилось. Например, она легко могла распознать двадцать пять оттенков серого цвета. Как кошка, вышедшая на охоту и выискивающая самую жирную мышь со стальной лоснящейся шкуркой. Пожалуй, единственное отличие от наглого животного было в том, что ее глаза теперь могли различить гораздо больше оттенков серого.

Эльза встала с кровати на голый бетонный пол, и тут же по телу пробежала мелкая дрожь. Отопление было на минимуме, а майская температура стремилась к нулю. Не одеваясь, девушка распахнула светомаскировочные занавеси цвета мокрого асфальта и выглянула в окно. Небо напоминало грязную тряпку школьной уборщицы. Такой дерюгой, некогда бежевой, но уже давно утратившей свой первоначальный цвет, бабушка Эльзы с ворчанием надраивала полы их старой школы. Сейчас куски этой рваной тряпки, каким-то невероятным образом оказавшиеся на небе, с удивительной быстротой и проворством сползались в одну точку — над са-

мым центром города. Как и предсказывал прогноз погоды. С чем с чем, а с дождями в этих краях он никогда не ошибался. Водяная масса грозила стать критической и выплеснуться мутными, грязными струями на улицы города, еще больше его изуродовав. Эльзе необходимо было поторопиться. Булочная откроется через тридцать две минуты.

Эльза в два шага преодолела крошечную спальню, открыла дверь в ванную и попала в помещение, рассчитанное скорее на маленького ребенка или очень стройную девушку. Лампочка мигала холодным тусклым светом. Эльза забрала в хвост тщательно вымытые накануне вечером волосы и включила ледяную воду. Глубоко вдохнув, встала под мощную струю. Спустя минуту пытка была окончена. Девушка схватила жесткую дерюгу, серую от частых стирок, греющуюся на полотенцесушителе (единственный по-настоящему теплый предмет в ее квартирке) и быстро растерлась докрасна. Тело приятно гудело. Вчерашние четырнадцать километров пробежки вместо обычных двенадцати не прошли даром. Эльза взяла с полки большую банку крема, вдохнула аромат меда и зеленого чая и быстрыми движениями нанесла его на обнаженное тело. Малюсенькие пузырьки таяли под руками и обволакивали кожу шелком. Эльза прилегла к этому крему с момента переезда. Это была единственная роскошь, которую она могла себе позволить.

Распустила волосы, нанесла несколько штрихов макияжа. Черная юбка-карандаш ниже колен, скромная черная кофточка и бежевые лодочки. Образ, позаимствованный у американской кинозвезды, казался Эльзе верхом элегантности. Перед уходом она, как всегда, чмокнула в нос и потрепала по холке Патрика, попросив не скучать и засунув ему под ошейник ключ. Тот, как обычно, остался равнодушен к ее нежностям, замерев на коврике возле двери.

Ровно через три минуты она стояла на автобусной остановке. В этом городе все шло по расписанию. Эльза знала, что через полторы минуты мимо проедут большие мрачные автобусы. В их сером обшарпанном нутре окажется новая смена тюремщиков. Они заступали на пост раз в двенадцать часов. Работа в окружной тюрьме была нелегкой, но, по меркам этого хмурого, депрессивного региона, оплачивалась неплохо. Поэтому сюда стремились все мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет, способные нести службу. Эльза знала их всех в лицо и по именам.

Она села в автобус, прибывший строго по расписанию. Через сорок секунд он свернет на центральную улицу и Эльза увидит главный орган города — огромную, давящую, мертвенно-серую махину старой крепости, более пятидесяти лет назад переоборудованную в самую суровую тюрьму страны. Эльза смотрела в окно на муторно-серые окна домов, некогда оливковых, бежевых, фисташковых, пастельно-розовых — все они давно стали оловянно-свинцовыми. Изредка из домов выходили люди. В этом городе было не принято смотреть друг другу в глаза, Эльза не знала наверняка, но могла поклясться, что здесь у всех людей с мертвенно-бледными лицами рыбы глаза.

Автобус остановился через положенные ему четыре с половиной минуты. Заскрипели тормоза, серое нутро выплонуло одного-единственного пассажира. Эльза выпорхнула на землистый тротуар и за семь с половиной шагов дошла до булочной. За ее спиной грязный автобус с поблекшей темно-синей полосой на боку вздохнул, как тяжелобольной, с протяжным воем захлопнул двери и отправился дальше. До конечной оставалось еще три остановки.

Возле булочной уже топталась Мария — секретарь начальника тюрьмы. Она сжалась от холода и напоминала экзотическую птицу, выкрашенную каким-то художником-люби-

телем в нелепый серый цвет. Волосы растрепались, блеклое пальто так и норовило распахнуться под порывами ветра.

— Мне как всегда, — попыталась бодро выкрикнуть она, но голос сел, и из горла вырвалось лишь хриплое птичье карканье, еще больше усилившее сходство Марии с пернатым.

Эльза мягко улыбнулась и распахнула дверь в булочную. Девушек окутало облаком из ароматов ванили, сахарной пудры и свежей выпечки.

— Ты почему не зашла сразу? Холодно на улице, — ласково попеняла подруге Эльза. Ее голос — нежный, грудной — обволакивал и укутывал, как мягкая шаль. Казалось, он единственный в этом городе-могиле мог расцвести оттенками, звенеть колокольчиками и согреть теплом.

— Иванна сегодня не в духе, — посетовала Мария, понижая голос и с осторожностью оглядываясь. — Так грохотала!

Иванна была хозяйкой булочной. Старая, кривая на один глаз женщина с Балкан. Ходили слухи, что муж ее сидел в тюрьме, однако сама Иванна никогда об этом не распространялась. Каждое утро, как безукоризненно отлаженный часовой механизм, она приходила на работу к пяти. Разогревала печи, собственноручно замешивала тесто и ставила опару. Иванна не признавала никаких полуфабрикатов и была несклонна к компромиссам. Всю жизнь она пекла три вида хлеба и ватрушки. Эльзе с трудом удалось уговорить женщину попробовать испечь что-то по ее собственным рецептам. Результат себя оправдал, но Иванна ничем не выразила благодарности. По одной простой причине — она никогда ни с кем не разговаривала. Эльза вообще не была уверена, что та умеет говорить. Но Иванна настолько выразительно могла передать все свои чувства и эмоции одним-единственным взглядом и стуком противней, что любые слова были излишни.

— Доброе утро, — громко сказала Эльза в сторону кухни, будучи уверенной, что Иванна ее услышит.

Она кинула в подсобку плащ, сняла с крючка фартук, автоматическим движением включила две кофемашины, затем прошла за стойку, проверила кассу, параллельно окинув взглядом ассортимент, которым особенно гордилась, — хрустящий круглый хлеб с треснувшей корочкой и пористой губчатой начинкой, слабо пахнувшей свежими дрожжами. Рядом располагались сливочно-желтые багеты, сахарное печенье, сочащиеся маслом круассаны, торты-суфле, эклеры, политые блестящей глазурью. Хрупкие миндальные меренги, шоколадные конфеты и, конечно же, сэндвичи — они были лучшими в округе. Эльза собственноручно готовила для них соусы — нежно-розовый коктейльный для креветок, домашний майонез для ростбифа и пикантный тартар с кусочками соленых огурцов для тунца. Ассортимент булочной был небольшим, но достаточным для того, чтобы все желающие могли найти что-то по вкусу.

Девушка автоматически нажала на кнопку приготовления кофе латте — из всех напитков Мария предпочитала именно его, но в этот раз та отрицательно затрясла головой.

— Некогда. — Она еще раз пугливо оглянулась по сторонам и, увидев толпу охранников, высадившихся из автобуса и направляющихся к булочной, лихорадочно зашептала: — Вчера с Коротышкой что-то случилось, помнишь, я тебе говорила? Так вот, ночью было много крови, и сегодня его переводят в другое помещение.

Гладкое, словно пасхальное яйцо, лицо Эльзы на долю секунды прорезала легкая морщинка.

— Крови?

— Да! Ах, Эльза, я его видела! Он такой, такой...

Мария подхватила круассаны и пугливой лисой выскользнула за двери. Эльза бросила взгляд в окно, толпа приближалась. У нее всего несколько секунд, чтобы подготовиться.

Она быстро зарядила машины, подготовила стаканы, рассортировала сэндвичи. Почувствовав пристальный взгляд, она подняла глаза. Иванна вышла из кухни и, стоя на пороге, молчаливо смотрела на девушку. Эльза вздрогнула. Иванна никогда не выходила из своего царства, но сегодня что-то изменилось. На какой-то момент ей стало не по себе. Она в упор посмотрела на Иванну и улыбнулась ей. Старая кухарка отвела взгляд. В этот момент дверь распахнулась, слабо звякнул колокольчик, висящий над входом, и в булочную строем, словно на марше, вошли охранники. Новая смена, которая заступит через двадцать минут. До этого времени они успеют вонзить крепкие зубы в свежие сэндвичи, выпить по половине литра кофе каждый, перекурить, перекинуться парой слов друг с другом и отвесить дюжину комплиментов Эльзе.

— Ну что, красотка, как насчет кино сегодня вечером?

— Привет, Эрик, — улыбнулась Эльза, выставляя два сэндвича с креветками и чашку кофе без сахара на прилавок. Эрик сейчас отойдет в сторону, чтобы, как всегда, копейками отсчитать необходимую к оплате сумму, и его место займет болтливый Андерс. Мелкий, юркий и симпатичный, как куница, паренек.

— Беби, мой друг открыл ресторан, где подают лучшее в городе мясо, я закажу столик на восемь вечера, — лихорадочно зашептал Андерс.

— Твоя жена будет рада, — рассмеялась Эльза, протягивая ему порцию тунца и тошнотворно сладкого кофе.

Громкий смех заглушил ответ Андерса. Эрик насыпал горю монеток на прилавок. Пересчитывать было незачем — Эрик никогда не ошибался. Тут же от стойки его оттеснил

молчаливый гигант Матиас. Кажется, он приехал сюда из Норвегии. Или Швеции. Впрочем, неважно. Этот викинг мог бы претендовать на звание внебрачного сына Иванны — такой же разговорчивый. Матиас молча протянул Эльзе купюру.

— Он купил новую тачку и хочет пригласить тебя посмотреть на звезды. — Из-за спины великана снова высунулся Андерс, уже успевший набить рот. Матиас покраснел, как младенец с рекламы детского мыла. Эльза ласково улыбнулась ему, протянув сэндвич с ростбифом и стакан с минеральной водой.

— Пожалуйста, простите, вода в бутылках закончилась, заказ будет только сегодня. Я налила вам в стакан воды из личной бутылки.

Спустя пять минут процедура обмена комплиментами была окончена, и мужчины поспешили на службу. Эльза посмотрела на часы. Так же как и дорогу сюда, она поминутно знала свое последующее расписание.

Через семь минут зайдет уставшая женщина с маленьким мальчиком. Поначалу Эльза думала, что это бабушка и внук, но вскоре узнала, что это мать, пытающаяся самостоятельно поставить сына на ноги. Вроде бы у нее даже где-то имелся муж, но он давно не появлялся в их жизни. Сейчас мальчик станет долго и мучительно делать выбор, но, как всегда, уйдет из булочной с миндальной меренгой. Все это время его мать будет сидеть за столиком и смотреть в окно, избегая взгляда Эльзы, отчаянно боясь, что та предложит ей кофе. Судя по одежде и виду женщины, единственное, что она могла себе позволить, была ежедневная меренга для сына. Затем зайдут строители, работающие над новым домом начальника тюрьмы. Ближе к обеду заглянет и он сам. Толстяк добродушного вида, не упускающий возможности перекинуться парой слов с Эльзой. Она была единственной, помимо его подчиненных,

перед кем у него имелась возможность хотя бы на несколько минут в день распусть перья и насладиться собственной значимостью. Его супруга — сухая, строгая женщина — такой возможности ему не давала. Она содержала три похоронных бюро. Очень прибыльный бизнес.

После обеда, ближе к четырем, к Эльзе заглянут две подруги — Карина и Изабелла, — слишком сильно накрашенные, чересчур откровенно одетые. В это время они просыпались и пили свой «утренний» кофе с эклерами. Единственная возможность хотя бы немного подсластить нелегкую жизнь. Эльза искренне симпатизировала девушкам и даже норовила каждой на блюде положить по небольшому презенту — маленькому печенью или крошечной карамельке. После шестнадцати ноль-ноль в город снова прогрохочет автобус из округа и привезет малочисленных посетителей. Тех, кто содержался в этой тюрьме, уже никто не ждал. А если и ждал, то проводил свое время в ежедневных молитвах Господу, с просьбой поскорее забрать к себе «этого человека». Коротышка, о котором говорила Мария, пожалуй, был единственным исключением из правил.

В прошлом году, в каком-то глупом рейтинге, составленном одним из глянцевого журналов, он занял первое место среди самых красивых преступников. Высокий, с фигурой античного атлета. Смуглая кожа, подарок от бабушки нигерийца, и европейские черты лица — наследство бабушки британки и матери шведки. Один из лучших умов современности, исключенный из Гарварда за то, что продавал наркотики студентам. Спустя два года после исключения его сеть охватила континент, а через десять лет он отравил цивилизацию новым синтетическим веществом. Коротышка (прозвище прилипло к нему со школьных времен) был одним из самых богатых людей мира. Плохой мальчик, *enfant terrible*, он постоянно находился в розыске и предпочитал экзотические